

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ИСПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ КНИГ И ОБРЯДОВ

*«Сей во благочестии и церковном правлении
Твердо подвизался во всяком хранении,
Ко благочестию в вере всех наставляя
Аки отец слово истины исправляя».*

(Монастырский «Летописец»)

Своим чередом повел святитель Никон и дело исправления русских богослужбных книг и обрядов. Дело это, как мы видели, началось задолго до его Патриаршества, было задумано не им, вызвалось рядом важных церковных и политических причин. Поэтому можно говорить лишь о завершающей, решающей роли Никона в этих преобразованиях. Он довел их до конца.

В начале своего Патриаршества Никон, по его словам, «входя в книгохранительницу, со многим трудом, многи дни в рассмотрении положи». Привести русское богослужение в полное соответствие с современной греческой практикой — так ставилась задача. Такова была заявка о. Стефана и Алексея Михайловича, на этом настаивали Восточные Патриархи, греческая иерархия. Правда, расхождения обнаруживались в вопросах не догматических, не вероучительных. Но, зная взгляды противников греческой обрядности и сторонников безусловного превосходства русской, Патриарх понимал, что и обрядовые исправления могут встретить серьезное сопротивление. Для Никона-Патриарха цель исправлений заключалась в единении Русской Церкви со Вселенским Православием, а еще точнее — в воссоздании возможно более полного единства Вселенской Церкви путем приведения русской литургической жизни в согласие с греческой. Однако святитель Никон был не тот человек, чтобы слепо следовать каждой «букве» современных ему греческих чинов. Для него важно было и то, чтобы обрядовые исправления соответствовали исконным традициям и обычаям Православия, не расходились бы и

с древней практикой Вселенской Церкви. Задача, таким образом, осложнялась.

Современная Никону греческая богослужебная практика во многом отличалась от той, что была в Византии в X в., когда Русь принимала Православие. Но, с другой стороны, и в русскую практику вошло немало изменений на протяжении шести с половиной веков. Решение задачи состояло в том, что литургическая жизнь Восточной Церкви XVII в. не возникла из ничего и не явилась каким-то внезапным нововведением, она складывалась постепенно, исходила из древних чинов и обычаев, т. е. имела основания в практике Древней христианской Церкви, не отличавшейся, как известно, строгой унификацией и обрядовым единообразием. Поэтому в древних книгах и рукописях при желании можно было найти подтверждения тем порядкам богослужения и обрядам, которые составляли теперь, в XVII столетии, литургическую практику Востока и находились в современных богослужебных книгах. Конечно, в древних рукописях можно было найти и подтверждение верности многих закрепившихся на Руси обычаев. В таком случае выбор мог совершаться волей высшей церковной власти. Эти соображения и составили как бы внутреннюю идейную основу преобразований Никона. Когда впоследствии старообрядцы стали упрекать Патриарха Никона в том, что наши книги правилась не по древним текстам, а по новым греческим книгам, они были неправы, так же как не совсем справедливы были и сторонники преобразований, утверждая обратное. Русские обряды и книги, как будет показано ниже, исправлялись и по новым греческим, и по древним греческим и русским текстам так, что содержащееся в новых греческих книгах непременно выверялось по древним.

Святитель Никон решил начать с постепенного исправления отдельных обрядов. Такие исправления, как отмечалось, были и до него, например, при Патриархе Филарете, и не вызывали смуты. Накануне Великого поста 1653 г. Патриарх разослал по московским церквам знаменитую «Память». Подлинный текст этого документа не сохранился. Из кратких изложений современников видно, что в «Памяти» Никон повелел на молитве Ефрема Сирина делать четыре земных и 12 поясных поклонов (как делается и теперь), указывая на неправильность обычая делать 17 земных поклонов (как было до него), а также призывал креститься тремя перстами. Неизвестно, к

сожалению, было ли это единоличным распоряжением Никона или он опирался на соборное решение русских архиереев. Историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) высказывает догадку, что эта «Память» послужила Никону «пробным камнем», способом узнать, «как отзовутся на задуманное им исправление церковных обрядов и богослужебных книг»⁷². Действительно, «Память» выполнила задачу быстрого выявления всех основных противников преобразований. Ими оказались в основном те «ревнители благочестия», которых Никон ранее отстранил от участия в решении церковных дел... Протоиереи Иоанн Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин, склонив на свою сторону Коломенского епископа Павла, тут же написали царю (!) челобитную, где очень пространно доказывали истинность двуперстного крестного знамения и 17-ти земных поклонов, опровергая положения «Памяти» Патриарха. Царь, как предполагает Аввакум, отдал эту челобитную Никону. Святитель никак не реагировал на это сопротивление и не привлек противящихся к ответу.

16 апреля 1653 г. в Москву прибыл Константинопольский Патриарх Афанасий Пателар. Он вполне утвердил Никона в правильности намеченных изменений и «зазирал» Патриарху «в неисправлении Божественного Писания и прочих церковных винах». Спустя год, 5 апреля 1654 г., Афанасий скончался в Лубенском монастыре на Украине и скоро был причислен к лику святых. Мощи святого Афанасия «Седящего» находятся ныне в Харькове, являются по сей день предметом почитания в Русской Церкви и засвидетельствованы Богом как особый источник благодати. Покидая Москву, святой Афанасий между прочим писал Алексею Михайловичу: «Великий господин, Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси, по благодати Божией, Глава Церкви и *исправление сущия православный христианский веры, и приводит словесных овец Христовых во едино стадо...* Только тебя, великого государя, мы имеем столп и утверждение веры, и помощника в бедах, и прибежище нам и освобождение. А брату моему, государю, и сослужителю, великому господину, Святейшему Никону — освящать соборную апостольскую церковь Софии — Премудрости Божией»⁷⁹ — в Константинополе. Эти слова ясно выражают полное одобрение деятельности Патриарха Никона и отчетливое понимание главных церковно-политических целей обрядовых исправлений в Русской Церкви.

В июле 1653 г. от муромского воеводы пришла жалоба на протоиерея Логгина, будто он похулил иконы Спасителя и Божией Матери. Патриарх созвал в своей Крестовой церкви собор духовенства по этому поводу. Логгин отрицал вину, говоря, что он высказался лишь в том смысле, что «Сам Спас и Пресвятая Богородица честнее Своих образов». Собор счел такое противопоставление опасным, способным вызвать соблазн, и постановил наказать Логгина содержанием под арестом с приставом. По словам Неронова, еще ранее Логгин «обличал» святителя Никона в «небрежном и высокоумном и гордом житии», т. е. оскорблял Патриарха. Неронов на этом соборе вступился за Логгина, и в тот же день донес государю, что Никон хулил царское величество. Через несколько дней Патриарх вновь созвал собор духовенства и пожаловался на Неронова. Содержание доноса не подтвердилось. Тогда рассерженный Неронов стал поносить Патриарха и весь собор за множество других «провинностей». Он сыпал укоризнами и оскорблениями, проговариваясь в запальчивости о подлинных причинах возмущения против Никона: «Прежде ты имел совет с протопопом Стефаном и его любимыми советниками... Доселе ты друг наш был, — на нас восстал». Неронов далее осуждал Никона за то, что он других укоряет в жестокости, а сам подвергает телесным наказаниям, что Никон хулит ныне Уложение 1649 г., тогда как сам же его подписал, и т. д. Среди множества его укоризн не прозвучало ни одного упрека Никону в исправлении обрядов!⁷⁴

По 55-му правилу святых апостолов («аще кто из клира досадит епископу, да будет извержен»), собор осудил Неронова, определив послать на смирение в монастырь. Но из сана его не извергли. Друзья Неронова Аввакум, Даниил и другие направили царю челобитную против Никона. А Аввакум поехал даже провожать своего опального друга в Каменский Вологодский монастырь на Кубенское озеро. Вернувшись оттуда 13 августа того же 1653 г., Аввакум пришел в Казанскую церковь, где служил ранее Неронов, и собрался вместо Неронова читать поучения на Евангелие за всеобщим бдением. Соборная братия не дала ему читать, сказав, что он протопоп в г. Юрьевце, а не в этом храме и что читать поучения поручено им, соборным священникам. Тогда Аввакум перестал ходить в храм, а завел свои «всеобщие» в сушильном сарае на дворе Иоанна Неронова, говоря, что «в

некоторое время и конюшни-де иныя церкви лучше». В это «сушило» к нему стекалось более 30 прихожан Казанской церкви. Донесли царю и Патриарху. Поступок Аввакума был не чем иным, как самовольным отделением от Церкви и стремлением отторгнуть от нее других людей, устройством «самочинного сборища». В одну из ночей стрельцы окружили «сушило» и арестовали всех там находившихся (более 40 человек). Оказалось, что этим «сборищем» в Москве руководил не один Аввакум, а еще и протоиереи Даниил из Костромы и Логгин из Мурома.

Последовавшие наказания были самыми минимальными из тех, что могли быть применены по такому делу в те времена.

В Успенском соборе Кремля в присутствии царя за литургией были лишены сана (острижены и разоблачены) протоиереи Даниил и Логгин. При этом Логгин, когда с него сняли однорядку и кафтан, как вспоминает с явным удовлетворением Аввакум, «Никона порицая, через порог в алтарь (!) в глаза Никону плевал и, схватя с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил»⁷⁵. Логгина сослали в деревню под присмотр родного отца... Даниила отправили в Астрахань в ссылку. А когда дошла очередь до Аввакума, больше всех виновного, то по личной просьбе царя с него не сняли сана и даже не запретили в служении, а отправили в ссылку в Сибирь.

Неронов из ссылки стал писать царю письма, обвиняя Патриарха Никона во всем и защищая своих единомышленников. Ему отвечал с ведома и согласия царя его друг о. Стефан Вонифатьев, увещевая Неронова смириться и быть в послушании Патриарху. При этом он писал, что Никон готов простить Неронова и всех его друзей, если они принесут истинное покаяние. 27 февраля 1654 г. Неронов написал отцу Стефану, что «мы ни в чем не согрешили перед отцом твоим (!) Никоном Патриархом», что «он смиряет и мучит нас за правду... Он ждет, чтобы мы попросили у него прощения: пусть и сам он попросит у нас прощения и покается перед Богом, что оскорбил меня туне...»⁷⁶. В этот же день Неронов отправил обширнейшее послание Алексею Михайловичу. Прежде всего он защищал своих единомышленников, «заточенных, поруганных, изгнанных без всякой правды» «не по правилам Церкви», «мирским судом» (всё — совершеннейшая неправда!). Затем он писал о «Памяти» Никона, называя распоряжение о поклонах «непоклоннической ересью», отвергая и троеперстное крестное знамение. В заключение

Неронов заявлял: «От Патриарха, государь, разрешения не ищущу...»⁷⁷. Царь велел передать Неронову, что запрещает впредь писать к себе.

Итак, противники святителя Никона, испробовав разные средства борьбы, начали прибегать к обвинению самому опасному в русской православной среде: Патриарх еретичествует, исправляет древние чины и обряды неправильно. В такой обстановке потребовалось широкое соборное обсуждение обрядовых исправлений. Интересно отметить, что противники Никона вызывают к Алексею Михайловичу и о. Стефану в полной уверенности, что должны найти в них сочувствие своим взглядам, т. е. думая, что Никон самостоятельно решился на обрядовые исправления. Значит, Алексей Михайлович и о. Стефан *скрывали* от своих друзей — ревнителей благочестия свои подлинные убеждения, в решающий момент как бы спрятались за Никона, и он принял весь удар сопротивления на себя одного⁷⁸.

Весной (в марте или апреле) 1654 г. по предложению Никона был созван Поместный Собор Русской Церкви. Присутствовали царь, Патриарх, митрополиты Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сарский Михаил; архиепископы Вологодский Маркелл, Суздальский Софроний, Рязанский Мисаил, Псковский Макарий; епископ Коломенский Павел (т. е. почти все правящие архиереи Русской Церкви), одиннадцать архимандритов и игуменов, тринадцать протоиереев и весь царский «синклит» (боярско-княжеское правительство). Указывая на имевшиеся в русском богослужении отступления от древних уставов, Патриарх Никон предложил Собору сначала рассудить, «новым ли нашим печатным Службникам последовать, или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и Устав показывают?». Собор определил единогласно: «достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих»⁷⁹. Так было соборно одобрено само исправление богослужебных чинов и книг и определен общий метод исправления. Собор далее рассмотрел предложенный Никоном перечень конкретных исправлений и утвердил их. Только Коломенский епископ Павел выступил против изменения великопостных поклонов на молитве Ефрема Сирина. Что произошло между ним и отцами Собора, неизвестно. Но сразу же после Собора он был сослан и погиб при невыясненных обстоятельствах.

Впоследствии в 1666 г. Патриарха Никона обвинили в единоличном осуждении Павла, но святитель опроверг обвинение, сославшись на соборное определение об этом епископе, которое находилось тогда еще на патриаршем дворе. Вступив теперь на путь авторитетного соборного рассмотрения всего, что связано с исправлением обрядов, Никон, конечно, не мог единолично осудить епископа, если ранее даже жалобы на видных протоиереев он рассматривал в соборе духовенства.

Решениями одного лишь Поместного Собора Русской Церкви Патриарх Никон не удовлетворился. 12 июня 1654 г. он отправил письмо Константинопольскому Патриарху с просьбой «соборне» обсудить исправления в русских богослужебных чинах. В мае 1655 г. из Константинополя пришел ответ, содержащий соборное решение Константинопольской Церкви по всем 27 вопросам о богослужебных исправлениях, которые задавал Никон. Этот перечень был значительно шире того, что рассматривался на русском Соборе весной 1654 г., и содержал, в частности, вопрос о троеперстном знамении, не включенный Никоном в рассмотрение русского Собора.

Во вступительной части этого документа содержалось поучение о том, что некоторые обрядовые разногласия не нарушают единства Церквей, что «не должно думать, что извращается наша вера Православная, если кто-нибудь творит исследование, немного отличное от другого — в вещах несущественных, т. е. не касающихся догматов веры; только бы в нужном и существенном оно было согласно с Соборною Церковью». Константинополь тут же определял, какие литургические и обрядовые «вещи» являются «несущественными», а какие «нужными». Так, время служения литургии, перстосложение при *священническом* благословении, образ поклонов на молитве Ефрема Сирина признавались «несущественными», говорилось, что и русские, и греческие обычаи в этих обрядах по смыслу одинаковы, несмотря на внешнее различие. Что же касается крестного знамения, то утверждалась положительная правильность троеперстия как «древнего обычая» и «предания» и разъяснялся духовный смысл его. В личном письме Константинопольского Патриарха, присланном Никону вместе с соборным определением, также утверждалась недопустимость разночтений в Символе веры, сообщался полный текст Символа, принятый Первым и Вторым

Вселенскими Соборами («да исправятся всякие разности между нами»)⁸⁰.

Послания Константинопольской Церкви возымели очень важные последствия. Во-первых, Никон утвердился в мысли, что несущественные обрядовые расхождения не должны нарушать церковное единство. Последовать этому принципу он призвал и своих противников, и себя самого. Во-вторых, послания помогли выделить из множества обрядовых частности, которые подвергались пересмотру, те, которые имели важное значение. Вследствие этого основная борьба скоро сосредоточилась, локализовалась вокруг вопроса о крестном знамении (хотя, конечно, споры велись и о других предметах).

Этого послания из Константинополя пришлось ждать целый год. Поэтому еще до его получения во исполнение решений Поместного Собора 1654 г. началось деятельное исправление обрядов и книг.

В 1654 г. царь передал Московский печатный двор со всеми его учреждениями и штатом сотрудников из ведения Приказа Большого дворца в полное распоряжение Патриарха Никона. К делу проверки и исправления богослужебных книг были привлечены, кроме русских справщиков, ученые греческие и киевские монахи. Справочным материалом служили древние русские рукописные книги, книги славянской печати, изданные на Украине и в Литве (в Киевской митрополии Петр Могила уже провел исправление церковных книг по греческим образцам), а также древние греческие рукописи, которые специально для этого были привезены с Востока Арсением Сухановым, присланы Вселенскими Патриархами, видными афонскими, иными восточными монастырями, и книги современной греческой печати.

Арсений Суханов был послан на Восток за описанием Восточного богослужения и рукописями еще в 1649 г., потом трижды возвращался в Москву, в итоге привез около 500 древних рукописных книг. Сначала он в Молдавии затеял жаркие «прения о вере» с греческим духовенством, где ревностно отстаивал старые русские обряды. Здесь он между прочим узнал, что на Афоне старцы на особом Соборе единогласно объявили ересью двоеперстное крестное знамение и даже сожгли книги старой московской печати, где такое знамение признавалось правильным⁸¹. Познакомившись ближе с Восточным Православием и почитав те

рукописи, которые он собирал для Русской Церкви, Арсений сделался убежденным приверженцем исправления наших обрядов и сторонником Никона, был поставлен им на очень видное место — келарем Троице-Сергиевой Лавры.

При патриаршем дворе в Москве возникла греко-латинская школа, в которой, по свидетельству А. Олеария, «к немалому удивлению, русское юношество, по распоряжению Патриарха и великого князя, начинают обучать греческому и латинскому языкам»⁸². Можно думать, что эта школа готовила прежде всего переводчиков и справщиков книг, поскольку заведовал ею известный справщик Арсений Грек.

Принято почему-то считать, что Никон «совсем не знал греческого языка»⁸³. Это неверно. Очевидец Павел Алеппский пишет, что Патриарх Никон «очень любит греческий язык и старается ему научиться»⁸⁴. Есть все основания полагать, что если Никон и не в совершенстве владел греческим, то все же при его способностях и настойчивости мог изучить язык в достаточной мере для понимания его и чтения на нем. Во всяком случае, он хорошо знал греческий богослужебный лексикон; известно, что в Новом Иерусалиме Никон иногда служил литургию полностью по-гречески⁸⁵. Значит, Патриарх не стоял совсем в стороне от книжной sprawy. Конечно, он не участвовал во всем процессе сверки книг, рукописей и подготовки к печати новых текстов. Но проверять по греческим рукописям те отдельные места, которые подвергались исправлению для новых книг, он мог и, по его характеру, непременно должен был это делать, потому он впоследствии очень уверенно и решительно заявлял, что всё исправлялось в соответствии с древними русскими и греческими текстами. В этом он был прав и неправ. Как показали исследования проф. Н. Ф. Каптерева, Патриарх мог не знать, что для удобства работы справщики сначала брали греческие современные книги, изданные в Венеции, где была большая колония православных греков, имевшая свою типографию, а затем сверяли эти тексты с текстами древних греческих же и славянских рукописей. При этом для каждого нового издания одной и той же русской книги (например, Служебника) привлекались разные древние рукописи. В результате три издания одного Служебника не во всем сходились между собой⁸⁶. Святителю Никону на проверку, вероятно, приносили подготовленный текст новой книги и те рукописи, по которым она

в данное время сверялась, с отметкой тех мест, что изменялись в сравнении с соответствующими местами наших старопечатных книг.

Патриарх Никон отличался небывалой широтой интересов, способностями к самым разным наукам и ремеслам, чрезвычайной начитанностью. С детства более всего на свете полюбивший знания, прежде всего духовные, он не переставал учиться всю жизнь. К 1658 г. Патриархом была собрана библиотека, включавшая более тысячи книг и рукописей. Частью это были книги, перешедшие от прежних Патриархов, частью — привезенные Арсением Сухановым за царские деньги, частью — приобретенные Никоном за собственные «келейные» средства. Среди последних оказались ценнейшие издания и рукописи, причем большинство — на греческом и латинском языках. Это были древние богослужебные книги, сочинения святых отцов: Дионисия Ареопагита, Иустина Философа, Григория Чудотворца, Климента Александрийского, Киприана Карфагенского, Кирилла Иерусалимского, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Кирилла Александрийского и других; церковноисторические книги; Акты Вселенских и Поместных Соборов, История Евсевия Кесарийского, Никифора Каллиста, сочинения Плутарха, Демосфена, Геродота, Страбона, Аристотеля⁸⁷. Любимым чтением Патриарха, по свидетельству И. Шушерина, были толкования Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла. Никон был образованнейшим и умнейшим человеком своего времени, и это необходимо учитывать при подходе ко всей его деятельности.

Если Никон не мог вникать непосредственно в процесс книжной sprawy, то исправления отдельных обрядов совершались исключительно им самим. При этом Патриарх никогда не довольствовался только собственными мнениями, но стремился следовать общему верованию Вселенской Церкви.

Прибывшие в Россию в 1654 г. Антиохийский Патриарх Макарий, а также Предстоятель Сербской Церкви Гавриил и позднее Молдавский митрополит Гедеон на Поместном Соборе Русской Церкви 1655 г. утвердили верность троеперстия и внесли исправления во многие другие церковные обычаи и обряды. В Неделю Православия в 1656 г. в Успенском соборе Кремля при великом стечении народа эти же святители подробно истолковали

правильность троеперстия и предали анафеме тех, которые упорно держатся обычая креститься двумя перстами. Всё это они затем закрепили отдельными грамотами за своими подписями и печатями. Они же благословили и все прочие изменения в русской богослужебной практике. Таким образом, обрядовые преобразования Патриарха Никона были совершены по настоянию, благословению и с прямым участием Вселенской Церкви.

Русская иерархия в данном случае отнюдь не являлась слепым орудием восточных святителей. Принималось только то, что соответствовало общему мнению. В иных случаях разгорались большие споры. Так, на Соборе в 1655 г. русское духовенство никак не хотело признавать обливательное крещение законным. Макарию пришлось доказывать обратное. Когда стало очевидно, что мнение Антиохийского Патриарха соответствует исконному верованию Православия, Никон сказал: «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческая». Многие архиереи согласились: «Свет веры... воссиял нам от стран Востока»⁸⁸. Все это означало, иными словами, что хотя мы, русские, привыкли в данном случае думать и поступать по-своему, но раз Вселенская Церковь издревле учит иначе, то мы должны изменить привычные взгляды и делать так, как учит Вселенская Церковь. Это очень важное свидетельство об эклезиологических воззрениях Никона. Правда, с такой позицией в вопросе о крещении католиков на этом же Соборе не все были согласны; некоторые, как пишет Павел Алеппский, «внутренне возроптали», но из страха перед Никоном не стали возражать. Ропот, по-видимому, в русском духовенстве пошел по этому вопросу немалый, так как через год вопрос о крещении католиков рассматривался снова.

Согласно определению Собора 1655 г., был подготовлен к печати и 31 августа издан тиражом в несколько тысяч экземпляров новый Служебник с обширным предисловием. После получения в мае ответов Константинопольской Церкви по указанию Патриарха Никона в октябре 1655 г. была напечатана очень интересная книга — «Скрижаль». Эту книгу прислал еще в 1653 г. Патриарх Паисий. Теперь она была переведена на русский язык, снабжена несколькими важными приложениями. В книге содержались толкования на литургию и другие священнодействия и обряды с целью изъяснить, насколько возможно, их таинственный смысл. В «Скрижали» было полностью опубликовано соборное послание

Константинопольской Церкви, а также статья о крестном знамении, утверждавшая троеперстие, и статья о Символе веры, который очищался от искажений и утверждался в том виде, в каком он содержится и по сей день. Но напечатанную «Скрижаль» Никон не выпустил в свет без соборного о ней решения. В 1655 г. были также напечатаны и разосланы 15 тысяч новых антиминсов с изображениями⁸⁹, различные указы Патриарха о тех изменениях в обрядах, которые были приняты Собором.

23 апреля 1656 г. Никон вновь собрал, третий по счету, Поместный Собор Русской Церкви. Он предложил отцам рассмотреть отпечатанную «Скрижаль» и обратил особое внимание на вопрос о крестном знамении. Никон подчеркнул, что троеперстное крестное знамение искони существует и в русском народе во многих местах, что двоеперстие появилось сравнительно недавно на основании «Феодоритова писания», «по неведению».

Сначала Собор рассмотрел «Скрижаль». Ее читали вслух в течение многих дней. Отцы признали книгу не только «непорочной», но и достойной всяких похвал и «удивления». Затем были рассмотрены все свидетельства и документы о крестном знамении, которые накопились к тому времени. Постановили: «Аще кто отселе, ведый, неповинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле Святая Восточная Церковь приняла есть и якоже ныне четыре Вселенския Патриархи... имеют, и якоже zde прежде православнии содержаша, но имать творити сие неприятное Церкви (т. е. креститься двумя перстами. — *Прот. Л.*), сего имамамы... всячески отлучена от Церкви, вкупе с писанием Феодоритовым...»⁹⁰. Таким образом, отлучению от Церкви по этому соборному определению подвергались не вообще все крестившиеся или ныне крестящиеся двумя перстами, а те, кто, зная об этом решении Собора, оказывают непослушание Церкви, не желая принять ее постановления.

Сказание о Соборе с изложением речи Никона и соборных определений было напечатано, присоединено к «Скрижали», и только после этого в середине 1656 г. книга большим тиражом разошлась по стране.

Особый собор 11 мая 1656 г. с участием Патриарха Макария был посвящен вопросу о крещении католиков. После долгих прений приняли окончательно, что католиков и вообще всех крещенных обливанием не следует крестить вторично, не следует и

рукополагать второй раз униатских священников, переходящих в Православие, как это делалось до сих пор.

Тем временем усердно трудился Московский печатный двор. В 1656 г. были изданы Триодь постная, Ирмологий, Часослов, второй раз Служебник. Специальный Собор (уже не такой широкий) в октябре 1656 г. обсудил и одобрил новый Требник, вышедший в свет уже в 1658 г. В 1657 г. были выпущены Псалтирь следованная, на престольное Евангелие, еще раз Ирмологий, Апостол; в 1658 г. вышли еще раз Служебник и следованная Псалтирь. Всё это были книги, приводившие русские чины и обряды в единство с литургией Восточной Церкви. Основные преобразования в этой области были в общем завершены.

Совершенно очевидно, что церковные исправления Патриарха Никона нельзя назвать «реформой», а его самого — «реформатором» в том смысле, какой обычно вкладывается в эти понятия новейшим временем. С точки зрения таких понятий, Никон, скорее, один из величайших консерваторов. Все его преобразования были сознательно направлены как раз на уничтожение «новшеств», каковыми, по его глубокому убеждению, являлись обряды, подвергавшиеся искоренению или исправлению.

Теперь, после Собора 1656 г., Патриарху предстояло обратить особое внимание на своих идейных противников, из которых основным оставался протоиерей Иоанн Неронов. Он был идейным вождем всей группы бывших «ревнителей», выступавших против Патриарха. Находясь в ссылке, Неронов не прекращал действовать против Никона. Он не только часто писал царю, царице, о. Стефану Вонифатьеву и другим лицам обличительные письма и челобитные, но и обращался с посланиями ко всему народу, при каждом случае проповедовал устно, называя святителя Никона «новым еретиком», пророча скорби всем, кто не выступит против Патриарха⁹¹. То же самое, по существу, делали и все сосланные «ревнители» и их единомышленники. Самым сильным их аргументом против Никона стало изменение Патриархом старых обрядов и книг. Это выдавалось за измену древнему русскому благочестию, т. е. за измену Православию вообще, так как Россия, как известно, «благочестием всех одоле...».

К исконному русскому православному благочестию Патриарх Никон был привержен всей душой ничуть не меньше, чем его противники. И это отчетливо проявилось в целой кампании Никона

против западных и всех вообще чуждых Православию влияний. По свидетельству Павла Алеппского, в Москве жило много иностранных купцов (немцев, франков, шведов, англичан). «Прежде все они обитали внутри города, — пишет он, — но нынешний Патриарх Никон, в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил их». За черту Москвы были высланы также армяне, татары, а их церкви и мечети в городе разрушены⁹².

В 1654 г. святитель Никон приказал изымать из домов богатых и знатных людей иконы, написанные в западноевропейском стиле, неправославно. Лики на этих иконах выскабливались, а затем иконы возвращались владельцам для написания православных изображений. Это тотчас было использовано против Патриарха его врагами. Когда началась эпидемия морового поветрия и святитель Никон с царской семьей по указу государя покинул столицу, сторонники Неронова попытались поднять восстание в Москве из-за этих икон. Его руководители не только обвинили Патриарха в «иконоборчестве», но и в том, что он исправляет книги и позволил «еретику» Арсению Греку портить церковные книги своим «еретичеством» (хотя в то время Арсений еще не приступал к справе и вообще исправление книг еще не началось, а был только собор по этому вопросу). Этим обвинением заговорщики только выдали своих вдохновителей — идейных противников Патриарха. Князь Пронский «с товарищи» успокоил тогда волнение мирными увещеваниями⁹³. Но это побудило святителя Никона объясниться с народом.

В Неделю Православия 1655 г. после литургии в Успенском соборе Патриарх обратился к людям с большой проповедью, где подробно объяснял, каким должно быть каноническое православное изображение и какие иконы являются неправильными, «франкскими». При этом Патриарх показывал народу образцы того и другого вида иконной живописи, давая соответствующие пояснения. В свидетели Никон призвал Антиохийского Патриарха Макария, который подтвердил истинность его поучений. Оба Патриарха предали анафеме и отлучили «тех, кто будет изготовлять подобные (латинские) образа, и тех, кто будет держать их у себя». Затем святитель Никон стал брать одну за другой франкские иконы и, громко возглашая имена бояр, у которых они были взяты, «чтобы пристыдить их», с силой бросал на пол так, что иконы разбивались. Потом он приказал их

сжечь, но царь предложил закопать в землю, что и было исполнено⁹⁴. После объяснений Патриарха народ воспринял это чрезвычайное деяние спокойно, и возмущения по этому поводу уже не было.

Если святитель Никон был вполне последователен в своей борьбе за укрепление Православия, то этого нельзя сказать о его идейных противниках; они не переставали обличать Патриарха за осуждение неправославных икон, представляя дело как оскорбление *икон вообще*. Тем самым еще раз подтвердилось, что отнюдь не только приверженность к русской православной старине руководила этими людьми...

Это вполне понимали и Никон, и Алексей Михайлович, и о. Стефан. Царь и его духовник старались примирить Неронова с Патриархом и действовали в этом направлении иной раз за спиной Никона. В августе 1655 г. Неронов бежал из ссылки и вскоре появился в Москве в доме о. Стефана. Стефан доложил государю, и оба они скрыли появление Неронова от Никона, который рассылал указы о поимке беглеца...

Когда Никон узнал, что бежавший из ссылки Неронов, не принеся покаяния, без ведома церковной власти принял монашество с именем Григорий, он послал привести его, но Неронов опять скрылся. Тогда на Соборе 18 мая 1656 г. с участием Антиохийского Патриарха за противление Церкви и Патриарху, за самовольное бегство из ссылки Григория (Неронова) постановили отлучить от Церкви и прокляли вкуче с его «единомысленниками, иже не покоряющиеся святому собору». Духовенство и певчие трижды пропели «анафему»⁹⁵. Это было уже отлучением не только за исповедание двуперстия, а за всё, в чем Неронов и его единомышленники не покоряются Церкви. Когда Григорию попало недавнее издание «Скрижали» со всеми приложениями, где авторитетом Вселенских Патриархов утверждались новые русские чины, он пережил глубокий духовный перелом. Внимательно прочитав книгу, Неронов, по его признанию, рассудил: «Кто есмь окаянный аз? Со Вселенскими Патриархи раздор творити не хочу, ниже противен буду: что же ради и под клятвою у них буду?». В таком настроении он отправился в Москву и решился предстать перед Патриархом.

4 января 1657 г. Неронов в Кремле объявился святителю Никону, когда тот шел служить обедню. Никон встретил его

спокойно, ни в чем не упрекнул, после литургии пригласил к себе. Между ними состоялась беседа, в которой Неронов излил на Патриарха целый поток укоризн. «Со Вселенскими Патриархами несть противен, якоже ты глаголеши, но тебе единому не покорялся...» — говорил он⁹⁶. Никон молчал. Он всегда хотел примирить своих противников с Церковью. Этого требовала его христианская совесть и забота о сохранении церковного единства. Он с глубоким смирением выслушивал гневные обличения Неронова: «Какая тебе честь, владыко святой, что всякому еси страшен?.. Дивлюся, — государевы цареви власти уже не слышать; от тебя всем страх, и твои посланники паче царевых всем страшны... Ваше убо святительское дело — Христово смирение подражати и Его... святую кротость!» Никон ответил: «Не могу, батюшка, терпеть» и подал Неронову письма и челобитные своих противников: «Возьми, старец Григорий, и прочти». Неронов продолжал: «Добро бы, святитель, подражати тебе кроткого нашего Учителя Спаса Христа, а не гордостью и мучением сан держати. Смирен убо сердцем Христос Учитель наш, а ты добре сердит». «Прости, старец Григорий, не могу терпеть», — спокойно отвечал Патриарх Неронову⁹⁷, не замечавшему, что своим состоянием и отношением к нему Никон опровергает все его упреки...

Через две недели состоялось официальное примирение Неронова с Церковью, выглядевшее весьма своеобразно и показательно. После воскресной литургии, по заамвонной молитве, Никон приказал привести в Успенский собор Неронова. Патриарх должен был снять с него проклятия, положенные Собором 18 мая 1656 г. Когда Неронов пришел, Никон обратился к нему: «Старец Григорий, приобщаеши ли ты Святей Соборной и Апостольской Церкви?» Неронов отвечал: «Не вем, яже глаголеши! Аз убо никогда отлучен был от Святыя... Церкви, и собору на меня никакова не бывало и прения моего ни с кем нет (!)... А что ты на меня клятву положил, — своею дерзостью, по страсти своей, гневаяся, что я тебе о той же Святей Соборной и Апостольской Церкви правду говорил (!)...» Не ответив ничего, Патриарх Никон заплакал и стал читать над Нероновым разрешительные молитвы. Плакал и Неронов. И причастился Святыя Тайны от руки Никона⁹⁸.

Спустя немного времени, когда Неронов заговорил однажды о старых Службениках, приверженцем которых он был, Никон сказал ему: «Обои-де добры (т. е. и старые и новые), все-де равно, по коим

хощешь, по тем и служишь»⁹⁹ (т. е. служи). И благословил Неронова держаться угодных ему старых Служебников! Патриарх уступил Неронову также и в том, чтобы в Успенском соборе Кремля по-старому двоили, а не троили «аллилуиа»¹⁰⁰.

Но Неронов, примирившись с Церковью, не смог примириться с Патриархом Никоном и не переставал враждовать и интриговать против него. В том же январе 1657 г. царь, увидев за богослужением Неронова, подошел к нему, сказав: «Не удаляйся от нас, старец Григорий». И Григорий ответил: «Доколе, государь, терпеть тебе такову Божию врагу (Никону). Смутил всю Русскую землю и твою царскую честь попра, и уже твоей власти не слышать, — от него, врага, всем страх!» Алексей Михайлович, «яко устыдился, скоро от старца отыде, ничтоже ему рече»¹⁰¹. Что и говорить, Неронов ударил не в бровь, а в глаз, — прямо по царскому самолюбию! Это была самая уязвимая точка, и именно в эту точку стали наносить удары все противники Никона. Старец Григорий поносил Никона, где мог и как мог. Патриарх терпел. Однажды видели, как святитель Никон, приехав на могилу о. Стефана Вонифатьева († 11 ноября 1656 г.) — их общего с Григорием (Нероновым) друга, долго плакал и несколько раз повторял: «Старец Григорий, старец Григорий!»¹⁰². Вот чего стоило Патриарху это терпение.

Нет никакого сомнения в том, что Никон точно так же позволил бы соблюдать старые обряды всем, упорно этого желающим, при условии их обращения и примирения, — не с ним, а с Церковью! Отсюда видно, что исправление обрядности не было для Никона (при всей его настойчивости в этом) таким делом, которому стоило бы принести в жертву церковное единство. С полным основанием историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) полагает, что *если бы Никон не оставил кафедры и правление его продолжалось далее, раскола в Русской Церкви не было бы*¹⁰³. К такому же выводу закономерно приходили впоследствии и другие ученые архиереи¹⁰⁴. В 1658 г., когда Никон отошел от управления Церковью, раскола в ней еще не было. Несколько непокорных священнослужителей хулили Патриарха и его преобразования вплоть до безобразных ругательств, сочиняли о нем фантастические небылицы и тем, конечно, волновали людей. Но раскол как *решительное и сознательное движение* значительных народных масс начался много лет спустя после ухода

Никона от дел и с особой силой развернулся только после его смерти. К тому были уже свои особые причины. Одна из них состояла в том, что линии, ясно намеченной Никоном, не пожелали следовать: старые обряды были запрещены и прокляты.

Во времена Патриаршества Никона Москва становится поистине своеобразным центром мирового Православия. К Москве и России обращены внимательные взоры христианского Востока. Здесь, как некогда в Греции времен Константина Великого, созываются важные соборы, чуть ли не Вселенского характера, в Москву едут ученые мужи, Вселенские Патриархи, знаменитейшие архиереи. Со всего Востока в Москву собираются великие христианские святыни, свозятся бесчисленные древние рукописи. Здесь происходят горячие богословские споры, захватывающие общество так, что о предметах веры спорят и святители, и рыночные торговцы. Кажется, Россия и Москва стремятся вобрать в себя всё лучшее и ценное из духовной сокровищницы мирового Православия. Здесь, в Москве, в России, без сомнения, стало биться сердце Кафолической Церкви, и биение его отзывалось во всех уголках православного Востока. Эпоха богослужебных, культовых споров в России чем-то подобна эпохе великих догматических споров и заслуживает не меньшего внимания и изучения. Вся история свидетельствует, что при определившейся и общепризнанной догматике (вероучении в целом) литургика — самая важная, самая животрепещущая область церковной жизни. Для людей, подлинно живущих в Церкви и Церковью, литургические нормы, обряды, символы имеют огромное значение. И не следует удивляться тому, что такая борьба и споры разгорались у нас из-за отдельных слов, букв, символов. Все это может казаться маловажным только современному секулярному сознанию. Но при взгляде в древность следует всегда помнить, что русские люди тогда жили Церковью как основой своего бытия, как самым важным, что только может быть на свете!

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷² Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 138—139.

⁷³ Там же, с. 124.

⁷⁴ Там же, с. 127—129.

⁷⁵ Там же, с. 135, примеч. 75.

⁷⁶ Там же, с. 136.

⁷⁷ Там же, с. 137.

⁷⁸ Каптерев в указанном труде очень обстоятельно показывает руководящую и направляющую роль о. Стефана Вонифатьева в деле намеченных обрядовых изменений до возведения Никона на патриаршество и доказывает, что старообрядцы не знали этого и всегда ошибались на его счет. *Каптерев*, с. 127—135.

⁷⁹ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 141—143.

⁸⁰ Там же, с. 179—186.

⁸¹ Там же, т. XI, с. 143—153.

⁸² Там же, т. XII, с. 280.

⁸¹ *Каптерев*, с. 258.

⁸⁴ *П. Алеппский*, вып. II, с. 36; Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 281.

⁸⁵ «Известие...», с. 54—55; Архим. *Леонид*. Историческое описание..., с. 20.

⁸⁶ Об этом очень подробно у *Каптерева*, с. 234—260.

⁸⁷ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 281—282.

⁸⁸ *П. Алеппский*, вып. III, с. 171.

⁸⁹ Там же, с. 170—171.

⁹⁰ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 193—194.

⁹¹ Там же, с. 205—206.

⁹² *П. Алеппский*, вып. III, с. 78—79.

⁹³ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 207—209.

⁹⁴ *П. Алеппский*, вып. III, с. 136—137.

⁹⁵ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 213.

⁹⁶ *Каптерев*, с. 300.

⁹⁷ Там же, с. 300—301; Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 215—217.

⁹⁸ *Каптерев*, с. 302.

⁹⁹ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 218.

¹⁰⁰ Там же, с. 200; *Каптерев*, с. 301—302.

¹⁰¹ *Каптерев*, с. 303.

¹⁰² Там же, с. 135.

¹⁰³ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 225—226.

¹⁰⁴ Митроп. *Антоний*, с. 218.